

А.А. МИТРОФАНОВ

ИДЕЯ «ПЬЕМОНТСКОЙ НАЦИИ» В ИТАЛО-ФРАНЦУЗСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ. ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ 1799 ГОДА

Статья посвящена рассмотрению концепта «нации» в политической франко-итальянской публицистике Пьемонта периода Французской революции и французской оккупации. Анализ публицистики 1799 - начала 1800-х гг. показывает, что в дискуссии о судьбе Пьемонта активно участвовали как радикальные, так и умеренные республиканцы, члены различных клубов и обществ. Идея французского правительства и части итальянских республиканцев о присоединении Пьемонта к Французской республике вызвала мощное сопротивление среди интеллектуалов. «Патриоты» 1799 г. рассматривали создание особой Пьемонтской республики как часть проекта будущего объединения Италии. Они обосновывали суверенитет «пьемонтской нации» или «субальпийского народа», апеллируя к чувству местного патриотизма, национальному характеру, языку, истории, традициям и вере. Анализируется влияние, которое оказали пьемонтские интеллектуалы конца XVIII в. на становление традиций политического партикуляризма и местного национализма в революционный период. Отмечается, что идея особой «пьемонтской нации» получила развитие и в публицистике эпохи Наполеоновского господства в Италии.

Ключевые слова: национальное строительство, нация, Пьемонт, Италия, Французская революция, республиканцы, якобинизм, патриотизм.

На протяжении XVIII в. сравнительно небольшое Сардинское королевство заметно выделялось на фоне других государств Апеннинского полуострова, находившихся в упадке, под сильным влиянием Рима или Габсбургов, под началом вырождавшихся династий или увядающего патрициата республик. Сардинское королевство располагало развитой государственной системой бюрократии и судов, хорошо организованной армией, но развивалось по особому пути, впитывая опыт государственного строительства соседней Франции и элементы аналогичного опыта других государств, например, Пруссии в деле усовершенствования военно-административной системы¹. Вместе с тем Савойская монархия воспринималась как неотъемлемая часть итальянского политического и культурного пространства². Это династическое государство объединяло очень различные в географическом, этническом, социальном и политическом отношении регионы: о. Сардинию, Пьемонт, Савойю и регион Ниццы. Данные факторы в значительной степени предопределили перспективы существования и трансформации этого государства в бурную эпоху Французской революции. Крушение Старого порядка и приход французов радикально изменили не только весь расклад сил в Альпийском регионе и Италии, но и основы политико-культурной самоидентификации элит и населения королевства.

¹ Канделоро 1958: 115,121,123.

² Waquet 2008: 171-178.

В лингвистическом отношении земли королевства характеризовались плюрализмом из-за близости Франции. Как отмечают П. Бьянки и А. Мерлотти «двуязычие казалось заложенным в самой природе» Савойского государства. «В последние десятилетия XVIII в. в Пьемонте развивалось политико-культурное движение, которое должно было придать Савойскому государству национальную идентичность пьемонтскую и итальянскую. Дж. Галеани Напионе, в этом отношении, один из наиболее значимых примеров. Конструирование истории пьемонтской «нации» и принятие итальянского как «национального» языка, служили, в этом смысле, общим целям»³. Но процесс языковой трансформации был долгим, и к моменту прихода революционных армий туринский королевский двор, в основном, говорил на языке своих завоевателей⁴. Один за другим выходили в 1770–1790-е гг. исторические труды, доказывавшие особый характер истории Пьемонта, излагавшие биографии его выдающихся деятелей⁵. Появлялись и отдельные памфлеты, где Пьемонт изображался как подлинный экономический центр государства, источник его процветания⁶. Как заметил Дж. Рикуперати, в эти десятилетия «произошли большие перемены в пользу итальянского выбора, который затрагивал государство, чиновников, правящие классы в целом и все процессы восемнадцатого века, что трактовалось националистической историографией как предвосхищение Рисорджименто»⁷.

Немало исследований посвящено проблеме становления национального самосознания, в частности, национализма и республиканизма в итальянских государствах на рубеже XVIII–XIX вв.⁸ Однако, применительно к Пьемонту таких работ значительно меньше. В центре внимания историков конца XX – начала XXI в. находится вопрос о сложном пути конструирования национальной идентичности в рамках процесса государственного строительства в эпоху Наполеона⁹ и Рисорджименто, в частности, об их демифологизации.

Современная историография совершила поворот от идеализации роли радикальных республиканцев, «итальянских якобинцев», к исследованиям истории умеренного течения, в среде которого и формировалась национальная идея. События революции 1848–1849 гг. принесли победу умеренным, и, таким образом, после объединения Италии стало легче создать миф о Рисорджименто, якобы удаленном от примера 1789 года, исключительно в рамках итальянской политической традиции, которая мало чем была обязана принципам Французской революции и сильно пострадала от наполеоновского господства. Но, как замечает А. де Франческо, напротив, культурные основы итальянского умерен-

³ Bianchi, Merlotti 2017: 58.

⁴ Ibid: 59.

⁵ Galeani Napione 1773; Piemontesi illustri 1781-1787; Tenivelli 1784-1792.

⁶ Lanzon 1787.

⁷ Ricuperati 1987: 149.

⁸ Criscuolo 1994; 2006; Di Rienzo 2000; Francesco 2003; Guerci 1999; Rao 1992.

⁹ Broers 1997; Banti 2020.

ного направления были заложены сразу после 1796 года, и основные его черты – это итальянская специфика: отказ от простого повторения французского революционного примера, воля к политической независимости, осуждение чрезмерно сильной исполнительной власти¹⁰.

8 декабря 1798 года король Сардинии Карл Эммануил IV, по требованию командующего французской Итальянской армией генерала Б.К. Жубера, подписал акт о передаче всей власти в Пьемонте французскому командованию и новому правительству, которое должно быть создано. Сардинская армия с этого момента объявлялась частью французской армии. На следующий день королевская семья под военным эскортом была выслана в Парму, чтобы затем отбыть на Сардинию¹¹. Как полагал Игнацио Таон де Ревель, те из числа его окружения, кто подтолкнул короля к отречению, были всерьез напуганы судьбой Людовика XVI и полагали, что все потеряно¹².

Несмотря на царившие в столичном обществе республиканские настроения, 12 декабря в Турине французами создается первое временное правительство. Но вопрос о судьбе и статусе Пьемонта был подвешен в воздухе. Неожиданно для французского командования пьемонтская политическая элита почти сразу раскололась по основному вопросу: о будущем Пьемонта, его государственном устройстве и отношениях с Францией. Вопрос о возвращении Савойи, Ниццы и Сардинии в политическую орбиту метрополии после свержения монархии даже не ставился. Одни выступали за независимость «пьемонтской нации» («*nazione piemontese*»), другие – за объединение с Францией, третьи – за союз с Лигурийской республикой, и меньшинство – за союз с Цизальпинской республикой. 9 декабря 1798 г. республиканец Джованни Антонио Ранца, выступая перед «Конституционным обществом» Генуи, заявил, что лигурийский и пьемонтский народы «созданы самой природой, чтобы стать единым целым». Это вызвало поток негодующих откликов и в Генуе, и в Турине, хотя с 1796 г. Ранца был известен своей приверженностью делу создания республики в Пьемонте и объединения всей Италии в виде федерации. А уже 10 января 1799 г. Ранца уже выступил в поддержку объединения Пьемонта с Францией. По мнению В. Крискуоло, этот оппортунизм Ранца был вызван не внезапным порывом, а именно его желанием добиться конченной цели любыми средствами¹³.

Пьемонтцы, верные духу партикуляризма и еще сохранявшие вековые государственные традиции, демонстрировали отсутствие интере-

¹⁰ Francesco 2016: 101

¹¹ Митрофанов 2019: 96.

¹² Thaon de Revel: 404-407. Некоторые представители высшей аристократии в декабре были интернированы в Гренобль в качестве заложников. В марте 1799 г. из Кальяри король опубликовал протест против собственного акта отречения от престола и действий французов в Пьемонте. Карл Эммануил IV отрекся от трона в пользу Виктора Эммануила I только в июне 1802 г. См.: Ruggiero 2018: 27.

¹³ Crisculo 1989: 870-871.

са к общеитальянскому объединению. Французское же командование в лице генерала Жубера, а затем Груши, очень настороженно относилось к радикальным республиканцам, больше рассчитывая на умеренных. Если контролировать из Парижа еще одну «дочернюю республику» было допустимо, то управлять фракционной борьбой в пьемонтской элите, начавшейся после распада монархии и полной французской оккупации не представлялось возможным¹⁴. Даже французские гражданские чиновники в Турине, похоже, вначале не поддерживали проект аннексии. 18 февраля 1799 г. министр иностранных дел Ш.-М. Талейран приказал гражданскому комиссару при правительстве Пьемонта Эймару действовать с особой осторожностью, поскольку Директория решила «через некоторое время обновить решение по такому важному вопросу», как присоединение Пьемонта к Франции. Талейран высказал сомнения относительно действительной «воли» самого Пьемонта; и, действительно, в Париже сохранялись очень сильные опасения, что присоединение может усилить сопротивление и спровоцировать дальнейшие волнения. В то же время, сама Франция, уже занимавшаяся делами на Востоке, имела крайне ослабленные позиции в Италии. Поэтому проект присоединения 1799 г. следует связывать, главным образом, с инициативой пьемонтских политиков из числа членов временного правительства и их окружения. Они осознали финансовое положение страны, которая не могла бы избежать полного разорения, не жертвуя своей независимостью в пользу создания единого экономического и политического пространства с Францией¹⁵.

В феврале 1799 г. во всех коммунах Пьемонта был наскоро организован плебисцит по вопросу о вхождении в состав Франции. Несмотря на то, что широкую агитацию против поддержки вопроса, поставленного на плебисците, вели пьемонтские и цизальпинские республиканцы, члены тайного республиканского «Общества лучей», большинство голосов (125 000) было все же подано за присоединение¹⁶. При этом сельское население было настроено по отношению к французам подчеркнуто враждебно, а эмиссары Цизальпинской республики открыто агитировали в городах голосовать против присоединения¹⁷. По мнению Дж. Ваккарينو, ряд членов правительства (Кавалли, Черизе, Ботта и др.), направленные в провинции для агитации в пользу присоединения к Франции, намеренно демонстрировали свою преданность Франции, что не исключало их участия в заговоре сторонников независимости. Французский представитель и руководитель Генеральной администрации Пьемонта Мюссе сообщал в июне 1799 г., что часть пьемонтских политиков

¹⁴ Outram 1976: 612.

¹⁵ Vaccarino 1989. Т. II: 517- 523.

¹⁶ Ruggiero 2018: 109.

¹⁷ Генерал Груши в письме Талейрану от 8 февраля 1799 г. насчитал 10 настроенных против присоединения членов правительства из 25, причем некоторые были весьма решительно настроены и в целом «против французов». Vaccarino 1989. Т. II: 520.

создали «Тайный комитет сопротивления французскому угнетению», который был частью «Общества лучей». Поэтому представители республиканской оппозиции вели себя по-разному: группа оппозиционеров в составе правительства из политической целесообразности скрывала свое истинное мнение, а группа вне состава правительства решительно выступала за автономию – пьемонтскую или в виде объединения из нескольких итальянских республик. Среди последних ярче всего выступали Ф. Бонджоанни и его единомышленники из «Патриотического общества». Груши в нарушение указаний Директории поддерживал сторонников присоединения, закрыл республиканский клуб («Circolo costituzionale») и приказал заключить в цитадель самых активных оппозиционеров – Фантони, Бонджоанни, Ри-кетту, Стуру, Феррари и Черелли¹⁸.

В таких обстоятельствах и развернулась первая в истории Пьемонта открытая дискуссия о судьбе страны. Первым с ответом на декабрьскую и январскую речи Дж.А. Ранца в Турине выступил адвокат и бывший начальник департамента внутренних дел при временном правительстве Феличе Бонджоанни (1770–1838). В своем памфлете «Замечания о присоединении Пьемонта к Франции» он призывал соотечественников к осторожности в оценках при обсуждении вопроса о выгодах для Пьемонта от его союза с Францией, предлагая исходить из географического положения, интересов страны и ее традиций, а не из абстрактных лозунгов и постулатов.

«Свобода стоит слишком дорого, чтобы ее можно было получить даром или по незначительной цене. Само географическое положение Пьемонта предполагает, что это Италия, а не Франция. Очень высокие и опасные горы отделяют его от Франции, протяженные и почти недоступные в течение полугода. Поэтому Пьемонт, объединившийся с Францией, только с большим трудом мог бы пользоваться всеми преимуществами, которыми пользуются все другие департаменты. Вдали от Директории, вдали от Законодательного корпуса, от правительства, одним словом, его голос доходил бы до Парижа только усталым и бесплодным, даже когда речь шла бы о каком-либо важном деле. А местопребывание созданной здесь центральной власти является источником жизненных сил и, я бы сказал, едва ли не сердцем социального тела»¹⁹.

Не скрывал от читателей Бонджоанни и того, что нещадная эксплуатация французами Пьемонта и прочих земель Италии мало чем отличается от аналогичной практики дома Габсбургов, которым нет дела до «интересов народов»²⁰. В своем дальнейшем рассуждении о пьемонтцах и французах Бонджоанни обозначил две проблемы. «Субальпийцы» по своим традициям и «качествам» не похожи на французов, большинство народа не готово принять идею о присоединении или союзе. Из-за проекта присоединения в обществе уже углубляется раскол. Просвещенное меньшинство, не только готово, но и приближает всеми силами слияние соседних народов в один, что не сулит ничего хорошего:

¹⁸ Sforza 1906: 121-168.

¹⁹ Bongioanni 1799: 2.

²⁰ Ibid.

«Мы не похожи на французов по нравам и по духу. Француз милее, непри-
нужденнее, приветливее и искреннее. Наши обычаи более жесткие, грубые
и, признаем это к нашему стыду, более скрытные. Француз проворен и
предприимчив, Субальпиец более медлителен и задумчив. Могут ли два
народа быть объединены и этим взаимно смягчить пороки обоих? Но сам
дух обоих наших народов отталкивают нас. Это дух, который делает их
совместимыми только по прошествии длительного времени и после многих
бедствий. Когда я говорю, что дух пьемонтский не согласен с французским,
я вовсе не хочу говорить о меньшей и более здоровой части народа. Она
сформировала свой характер вместе с великими авторами, создавшими
Францию, она сопровождала всю Французскую революцию с нарастающим
интересом, соответствует природе и характеру великой нации, любит ее,
восхищается ей и обладает исключительной способностью ей подражать»²¹.

Важным критерием самосознания «пьемонтской нации» Бонджо-
анни считал итальянский язык. В новом большом государстве он ока-
жется под большой угрозой, французский язык заполнит собой все, что
приведет к нравственной и духовной деградации «субальпийцев» и по-
догреет будущий конфликт:

«Французский язык в Пьемонте, за исключением коммуны Турина, пони-
мают немногие и очень немногие на нем говорят и пишут. Итак, сколько же
времени вам понадобится, чтобы сделать его универсальным, адаптирован-
ным к разуму и повсеместному привычному использованию? Теперь, в этом
временном промежутке, вы хорошо видите, граждане, насколько медлен-
ным будет прогресс человеческого духа. Каждый из вас хорошо знает,
насколько прогресс в науке зависит от наличия родного языка, с помощью
которого его можно развивать, какие тесные и необходимые отношения бы-
ли между словами и идеями, между речью и мышлением. Опыт многих ве-
ков хорошо показывает, как готический обычай обучать молодых людей
иностранному языку в значительной степени способствовал замедлению
прогресса разума. Способствовал настолько, что можно не без основания
подозревать, что это входило в объединенный план тиранов, чтобы держать
людей в неведении и угнетении. И теперь, когда мы объединяемся с Фран-
цией, законодательство, которое никогда не должно выходить за пределы
возможностей народа-суверена, только добавило бы нам «тайн», в том же
смысле, в каком это относится к церковным обрядам и молитвам»²².

Наконец, важной характеристикой пьемонтского народа остается
его приверженность христианству. Туринский адвокат, не отличаю-
щийся особым пиететом по отношению к религии, предостерегает по-
литический класс Пьемонта от резких шагов. Передовые идеи уходяще-
го века чужеродны в этих краях, для реформы в религиозной сфере
Пьемонта еще не пришло время:

«После долгой череды событий, бедствий, резни и ужасов, опустошивших
ее земли во имя религии, Франция на своем болезненном опыте научилась
принимать полностью философический план. Но будет ли такая система
целиком приспособлена к нашему Пьемонту? Вот в это я не верю. Пье-
монтцы не только еще совсем не философы, но еще и не поколебали даже
грубых и благочестивых предрассудков, искажающих чистоту культа еван-

²¹ Ibid: 6

²² Ibid: 8-9.

гельских времен. Пышный внешний церемониал церковных служб по-прежнему вызывает радость у толпы. Действительно, он подменяет им саму сущность религии. Как же тогда нужно действовать мудрому правителю? Не задевайте и не оскорбляйте мнение народное, поступайте с величайшей осмотрительностью и осторожностью, помните, что вы не можете и не должны делать все сразу, мгновенно, что полезная пища должна приниматься осторожно, а величайшая гордость состоит не только в том, чтобы делать добро, но и в том, чтобы уметь совершать его в нужное время»²³.

Два устойчивых понятия находятся у Бонджоанни в конкуренции друг с другом. «Субальпийский народ» тождественен «пьемонтской нации» и одновременно находится к ней в явной оппозиции. Бонджоанни отчетливо излагает черты пьемонтской идентичности во всех сферах жизни, что напоминает памфлеты и мемуары савойских политиков начала 1790-х²⁴. В его представлении, присоединение Пьемонта к Франции является наихудшей альтернативой и потому он старается показать, что, несмотря на свою отсталость, известную косность, провинциальность, субальпийский народ является самостоятельной политической нацией, с которой Франция должна действовать как с равной.

Обращение к «нации» в январе-феврале становится почти особым жанром для пьемонтских республиканцев, оказавшихся в оппозиции к временному правительству. В конце января 1799 г. «друзьям народа» адресовал свой обширный памфлет «Интересы Пьемонта в сочетании с интересами соседних стран и свободы в целом» Карло Рикати²⁵. Надвигающееся присоединение Пьемонта к Франции Рикати рассматривает почти как неизбежное, но предостерегает от того, чтобы превращать родину в приграничный военный округ, где рано или поздно полнота власти может оказаться в руках «новых римских проконсулов»²⁶. Заметим, что в начале 1799 г. контуры будущей французской системы интеграции Пьемонта уже были хорошо видны, и, хотя имя Наполеона не появляется на страницах памфлета Рикати, но силуэт некоего честолюбивого полководца просматривается вполне отчетливо.

Рикати все же поддерживает Францию и полагает, что «союз с ней всегда будет в интересах Субальпийской республики», поскольку сама логика событий, ее размеры и промежуточное географическое положение требуют от нее следовать за доминирующей державой. Но, по мере анализа политической ситуации, Рикати излагает ряд опасностей, которые нависают над народом Пьемонта в связи с неопределенностью и большой вероятностью того, что он полностью не примет французов и новый революционный порядок. Пьемонтскую «нацию» он конструирует в сопоставлении с «великой нацией» - французской, которая, однако, может и отказаться от своих республиканских порывов, в пользу создания гигантской империи. Публицист не желает верить в такие

²³ Ibid: 10.

²⁴ Doppet 1791.

²⁵ Riccati Interessi...1799; [Riccati] Osservazioni... 1799; Vaccarino 1989. Т. II: 522.

²⁶ Riccati Interessi...1799: 17.

перспективы, но предрекает широкое сопротивление, если Франция будет увлечена одной только идеей экспансии:

«С другой стороны, если Франция пренебрежет такими принципами и начнет подражать амбициям Александров и тщеславию конкистадоров, если она докажет это в данный момент, учитывая, что судьба Пьемонта представляет такой интерес для независимости [всей] Италии, как ее неотъемлемой части, позволите мне сказать, что я чувствую сердцем своим приговорные несчастья, которые окажутся печальными, роковыми и смертоносными событиями для дела свободы. Народы, скованные рабскими цепями, которые все еще стонут и пребывают в унынии, увидят в Великой Нации только гордую и превосходную завоевательницу, чьи дела, по их мнению, направлены на то, чтобы содержать [его] армии за их же счет. Они увидят в таком возрождении жестокий удар, фатальный для общественного спокойствия и подлинного блага. Идеи о добродетели, свободе и равенстве будут для них химерическими и иллюзорными сказками, которые изобретены воображением праздных философов, филантропию будут всячески поносить. Им никогда не удастся убедить себя в том, что те, кто пересекали Альпийские преграды, пренебрегая определенными самой природой границами, столь мощными препятствиями, что они никогда не попытаются пересечь Пиренеи, Рейн и господствовать на морях. Мечта о всеобщей монархии еще не стерта из их сознания и в умах врагов Свободы не будет недостатка в аргументах, чтобы разбудить этот призрак и протрубить начало битвы против зарождающихся республик»²⁷.

Рикати во многих фрагментах своего памфлета обращается к воображаемой Италии и «силе судьбы». В этих сентенциях отчетливо слышен скептицизм убежденного патриота, сторонника пьемонтской независимости и свободы для всей Италии, которую он трактует как понятие не столько географическое, сколько потенциально политическое:

«Италия, Италия! - моя родина. Разве Пьемонт в долгу и в вечной благодарности перед другой нацией за просвещение, тогда как его дети будут вынуждены принести себя в жертву и проливать кровь на западных берегах Океана, терять там жизни? Заставят ли нас отказаться от священных обязанностей, которые налагает на нас родина и природа, и разве это не то же самое, что наложить на нас ярмо хуже рабства, которое может кончиться смертью тирана?»²⁸.

В своих призывах отстаивать независимость, Рикати обращается исключительно и только к «пьемонтцам», взывая к чувству «патриотизма» и памяти о «героических» предках античной древности²⁹.

Идея Джованни Антонио Ранца о создании федеративного итальянского государства или, для начала, союза Пьемонтской и Лигурийской республик, также нашла отражение в публицистике 1799 г. Но в центре внимания сторонников такого союза оказались соображения экономические и финансовые. Например, туринец Карло Морино, юрист и чиновник финансового ведомства, подписывавшийся под своими работами на

²⁷ Ibid: 27-29.

²⁸ Ibid: 30-31.

²⁹ Ibid: 74.

французский манер как «Шарль Морэн», опубликовал два памфлета³⁰, доказывая, что независимость и процветание Пьемонта можно обеспечить только после его объединения с Лигурией в единую республику, где первый останется центром аграрного производства, а вторая – центром морской коммерции: «Пьемонтцы и лигурийцы, суть один народ, который состоит из друзей и братьев, и они ждут только подходящего момента, чтобы заключить друг друга в объятия»³¹. Интересно, что главным «Другим» для Морино выступают именно соседние народы – «лигурийцы» и «цизальпинцы», а вовсе не французы, так как с последними, как отмечал туринский финансист, пьемонтцы вообще имеют немного общего. По мнению Морино, народ Пьемонта «храбрый, пылкий и доблестный» пока еще разделен на «просвещенных» граждан и «ослепленных священниками рабов тирании», но в интересах торговли, промышленности, возрождения финансовой сферы, объединение с Лигурией будет наилучшим выходом. Две родственные нации сближает их воодушевление идеями свободы, равенства и патриотизма³². Морино рисовал воображаемую картину идеального общества:

«Свободный Пьемонт – это одна из прекраснейших стран мира [...], она богата добродетелями и добрыми нравами. У Пьемонта, если судить по его размеру и протяженности, больше гениев-хранителей, чем у других народов, и Пьемонт уже готов преподнести уроки мудрости Европе. Пьемонтцы! Если вы независимы, значит и свободны в этой изобильной стране. Но всякий раз помните, что лучше быть свободными в нищей стране, чем зависимыми, но свободными только на словах, пребывая среди богатств и роскоши. Пьемонтцы! Чтобы стать подлинно свободными и счастливыми, необходимо быть добрыми союзниками Французской республики, но независимыми от нее»³³.

Франция в текущих обстоятельствах, полагал Морино, обязана сохранить независимость Пьемонта и быть последовательной в своей политике создания «дочерних» республик, ведь северо-итальянские народы вполне достойны создать государство подобное, например, Гельветической республике³⁴.

Заметим, что в рассуждениях Морино понятия «нация» и «народ» едва различимы и взаимозаменяемы, он не старается установить какие-либо критерии и определения, апеллирует к финансовым выгодам текущего момента, а не к исторической памяти соотечественников или ценности родного языка. В политической и экономической концепции Морино – это достойный наследник Ф. Буонарроти. Пьемонт, по его мнению, является подлинным центром революции на Апеннинском полуострове и только на него может возлагать свои надежды остальная Италия³⁵. При всей оригинальности тезисов Морино, его тексты имели

³⁰ Morino Adresse... 1799; Idem Réplique... 1799.

³¹ Morino Réplique...1799: 8.

³² Ibid: 7.

³³ Ibid: 15-16.

³⁴ Ibid: 14.

³⁵ Saitta 1955: 258-270.

слабую аргументацию, автор копировал стиль и лексику французских памфлетов периода якобинской диктатуры.

Неожиданная реакция пьемонтских «патриотов» на идею присоединения Пьемонта встревожила Директорию. В начале февраля 1799 г. в Париже увидел свет, вероятно, не без покровительства властей, памфлет «Послание о Пьемонте или ответ на наблюдения одного пьемонтца о присоединении этой страны к Французской республике», автором которого был пьемонтский республиканец, поэт и интеллектуал Франческо Бонафиде³⁶. Основными своими целями автор «Послания», опубликованного, как и в случае Морино, на французском языке, видел доказательство необходимости скорейшего присоединения Пьемонта к Франции и детальное опровержение постулатов Феличе Бонджоанни.

Вступая в заочную полемику с Бонджоанни, Бонафиде признавал, что он умелый оратор, но желает стереть из памяти соотечественников «благодарный энтузиазм по отношению к нации-освободительнице»³⁷. Дабы опровергнуть выводы Бонджоанни, Бонафиде предлагает свою краткую типологию национальных характеров. В представлении Бонафиде, отличия в характере пьемонтского и французского народов несущественны, гораздо важнее идея общей политической нации, что должна их объединить. Публицист объяснял известную грубость и даже «лицемерие» своих соотечественников не обстоятельствами «почвы и климата», но результатами воспитания в атмосфере деспотического угнетения. Теперь пьемонтцы вполне достойны называться гражданами возрожденной Франции, ведь между парижанами и жителями других исторических ее провинций также множество различий:

«...Если бельгиец самоуверен и флегматичен, житель берегов Рейна по всей протяженности его течения хладнокровен, бретонец горд, обитатель берегов Гаронны блистателен, провансалец стремительный и живой, марселец пылок, то не имеют ли все они между собой, а равно с остроумным и утонченным парижанином такого же сильного различия в характере, как с нравами и характером народа Пьемонта?»³⁸.

В политико-антропологической концепции Бонафиде Пьемонт под французским влиянием в прошлом уже пережил «золотой век», когда жители этой страны более всего демонстрировали истинные черты своего характера: трудолюбие, скромность, естественность, веселье, энергичность, храбрость, которые одинаково свойственны им и французам:

«Бодрость, жизнерадостность, - качества, исключаящие притворство, не всегда изгонялись из Пьемонта. В те далекие времена, когда деспотизм еще не давил на народ своей железной дланью, Пьемонт представлял довольным взорам путешественников забавную картину деревень, жилищ, населенных трудолюбивыми людьми, радостными и довольными своей судьбой. За скромными обеденными столами мирных жителей этих плодородных земель царили откровенность и веселье. Их застолья заканчивались

³⁶ Bonafide VII (1799).

³⁷ Ibid: 6.

³⁸ Ibid: 14-17.

танцами, грубыми, но выразительными крестьянскими песнями, облегчающими бремя полевых работ. Все источало ликование, легкость и удовольствие. В те далекие времена половина Пьемонта принадлежала Франции, а правители другой половины щадили людей, поскольку катастрофическое политическое равновесие Европы еще не давало им права угнетать все, поработать всех и подменять законы своей деспотической волей. Это и есть подлинный национальный характер пьемонтцев, который деспотизм не имел ни сил, ни необходимости изменить и исказить. Это те же самые черты характера, которыми и французская нация отличается в высшей степени, - энергия и храбрость»³⁹.

Но народ Пьемонта сбит с толку идеями из времен повергнутой тирании, отмечал Бонафиде, только введение французских порядков и институций, изучение и внедрение французского языка значительно искорит уход «предрассудков» в прошлое и переход к эре свободы⁴⁰. Остановившись Бонафиде и на вопросе о языке и культурных особенностях народа Пьемонта. Характерно, что едва ли не впервые в тексте памфлета используя понятие «Италия» в географическом смысле, он не включает в него, собственно, территорию Пьемонта. По мнению республиканца-франкофила, язык его родины не более чем говор, наречие, который чрезвычайно схож с французским языком:

«Обычный язык (*language habituel*) жителей Пьемонта представляет не больше препятствий для его воссоединения с Францией, раз французское правительство сочло целесообразным предоставить нам это преимущество, чем различные языки представляют в случаях присоединения департаментов, расположенных вдоль Рейна. Пьемонтский говор (*jargon*) со всей очевидностью соприкасается со всеми диалектами южных департаментов Франции и с французским языком. Чего нельзя сказать о немецком, корсиканском, фламандском и голландском языках. Скажу даже больше. Если кто-то пожелает добросовестно изучить его ударения, диакритику, произношение слогов, перергласовку, то он согласится, что у этого говора более точное соотношение, более явная аналогия с французским языком, чем с итальянским языком»⁴¹.

Под влиянием начавшихся в провинциях Пьемонта антифранцузских восстаний, Бонафиде поднимает и вопрос о религии. Даже не упоминая о реалиях времен якобинской диктатуры и Фрюктидора, он утверждал, что во Франции все конфессии равны в правах, а правительство бережно относится к вере и чувствам граждан⁴². Если не решить вопрос о равноправии при отправлении культа для всех конфессий и о светской власти римского первосвященника, полагает Бонафиде, учреждение «свободного правления» в государствах Италии останется только «химической надеждой»⁴³. Только касаясь этой самой чувствительной темы, Бонафиде, как и Бонджоанни, начинает рассуждать о некоем «общественном теле» пьемонтского народа, которое он сравнивает с телом человеческим. Опыт гражданской войны в Вандее и шуанерии

³⁹ Ibid: 17.

⁴⁰ Ibid: 17-18.

⁴¹ Ibid: 26.

⁴² Ibid: 29-30.

⁴³ Ibid: 32.

показал, что резкие и неоправданно жёсткие меры в отношении церкви приведут только к новым бедствиям:

«Социальное тело имеет свои немощи, как и тело человеческое. Есть болезни, которые напрямую не создают помех для жизни, и требуют бережного, длительного и длительного лечения. Есть и другие - жестокие, ужасные, смертоносные, которые требуют самой помощи и врачевания самого скорого, где только насильственные средства лечения могут гарантировать их эффективность! Я не скрываю того опасного влияния на простых жителей деревни, что оказывают на них служители культа. Знаю, как они могут злоупотреблять этим и вредить в своих корыстных интересах новым учреждениям, вводить совесть в заблуждение, тревожить набожность простаков, ужасать боязливость слабых, доводить до фанатизма народ, раздувать дух восстания и ярости. Но, позвольте нам остеречься, мой друг, того, чтобы судить о них с такой неблагоприятной стороны. После стольких примеров, стольких попыток, сделанных, дабы их просветить, поостережёмся верить, что они способны разжигать беспорядки, во время которых, в конце концов, они же и станут первыми жертвами»⁴⁴.

Анализ текста Бонафиде показывает, что основным «Другим», то есть народом, с которым он постоянно сравнивает пьемонтцев, как и для Рикати, и Бонджоанни, остаются именно французы. В своем стремлении показать важность присоединения родного края к Франции, Бонафиде ясно обозначает факторы, которые в его понимании и определяли национальную идентичность: национальный характер, культура, религия и родной язык. Интересен образ «Субальпийской нации» в изображении Бонафиде. Здесь есть место культурным аналогиям, историко-антропологическим зарисовкам, сравнительному анализу языков. Таким образом, очень стремительно, спор о политическом будущем Пьемонта перерос в дискуссию о национальном характере, культуре его народа.

Заметим, что ни франкофил Бонафиде, ни оппоненты идеи присоединения Пьемонта к Франции, такие как Бонджоанни, Рикати и Моринно, вовсе не уделяют внимания событиям на юге Италии. Несмотря на то, что к концу января 1799 г. в Неаполе уже была провозглашена Партенопейская республика, опыт неаполитанцев и их пример словно бы не интересовали пьемонтских публицистов⁴⁵.

Тем временем, с 26 марта 1799 г. на территории Северной Италии начались бои французов с австрийцами. В Италию прибыл фельдмаршал Суворов, принявший на себя командование австро-русскими силами. После первых поражений французская армия начала стремительно отступать. 27 апреля она вышла из Милана, а 3 мая австро-русская армия уже вступила в Пьемонт. Скорому продвижению вглубь территории способствовало массовое вооруженное сопротивление – Инсордженца: население коммун, разоренное французами, восставало против оккупантов. Итальянские «патриоты», ранее поддерживавшие французов, повсеместно преследовались. Французское командование отвечало жестокими репрессиями. Охватившие пьемонтские города и села в декабре вос-

⁴⁴ Ibid: 32-33.

⁴⁵ Чудинов 2016: 25-41; Ambrosini 2014; Davis 2006; Rao 1997.

стания разгорались в апреле-мае с новой силой. В Северном Пьемонте было создано народное ополчение – «Христианское воинство» под началом Бранды де Лучиони. Пьемонт находился в состоянии полного хаоса, анархии и гражданской войны с начала апреля, пока австро-русское командование не приняло мер по наведению порядка⁴⁶.

26 мая войска Суворова вошли в Турин и почти сразу же здесь было создано монархическое временное правительство во главе с генералом, маркизом К.Ф. Таон де Ревелем⁴⁷. Так началась «Первая Реставрация» в Пьемонте. Но уже в июне 1800 г., после победы при Маренго, Бонапарт воссоздаст республиканское временное правительство, так и не провозгласив независимой Пьемонтской республики. Окончательно территория военного округа – 27-й армейской дивизии, как официально именовали Пьемонт с 1801 г., будет присоединена к Франции только 22 сентября 1802 г. После учреждения в Турине второго республиканского правительства под протекторатом французов, тема присоединения страны к Франции снова выходит на первый план. Даже когда Наполеон колебался и рассматривал вариант возвращения в Турин свергнутого монарха, умеренные республиканцы активно поддерживают идею присоединения⁴⁸. Это соответствовало и целям Первого консула⁴⁹. В памфлете «Краткое изложение истории Савойского дома и Пьемонта, обращенное к генералу Журдану» (1802), Карло Ботта более уверенно разделял интересы Савойского дома и народа Пьемонта, поддерживал «порядок вещей, сложившихся под французским влиянием» и выражал благодарность французскому правительству за мир и «спокойствие умов» обеспеченных, наконец, для его родины⁵⁰. Соратник Ботты по правительству Карло Босси в многочисленных речах и докладах, направлявшихся в Париж, выступал как самый последовательный пьемонтский франкофил⁵¹. Профранцузских позиций придерживались и представители религиозного меньшинства – вальденсов. Так, бывшего полковника Жака Маранду, рисовавшего картины «деградации» «пьемонтской нации» в последние годы монархии, интересовала более всего именно судьба единоверцев – протестантской общины Пьемонта⁵².

В период французского господства дискуссия о национальной идентичности, истоках и корнях пьемонтской культуры не остановилась полностью, но приобрела иную форму. На смену политикам и памфлетистам пришли историки и лингвисты. Свой вклад внес и академик, а затем личный библиотекарь Наполеона, Карло Денина (1731–1813), ак-

⁴⁶ Cavallo 2015: 168-173.

⁴⁷ Thaon de Revel 1871: 411.

⁴⁸ Чарторийский 1800. Л. 45-52.

⁴⁹ После Маренго французы, желая придать своему новому режиму видимость легитимности и стабильности, они начинают искать поддержку не только у умеренных республиканцев, но и среди старой пьемонтской знати. См.: Outram 1976: 612.

⁵⁰ Botta 1802: 121, 124.

⁵¹ Boyer 1969: 44-57.

⁵² Maranda XI (1802): 1, 158-234.

тивно занимавшийся историей итальянских государств. В частности, он предсказывал Пьемонту блестящее будущее в составе Франции, но увязывал эту перспективу, в известной степени, с отказом «пьемонтской нации» от части культурной идентичности. Он писал в январе 1803 года:

«Я не сомневаюсь, дорогой племянник, что присоединение Пьемонта к Франции и появившийся позднее приказ об использовании французского языка вместо итальянского в государственных документах, также должны рано или поздно изменить и литературный язык страны. Легко могу себе представить, что это изменение вызовет сожаление у большинства членов вашего общества «Единомушных» и всех наших соотечественников, которые привыкли к письму на итальянском языке, а еще намного большее [сожаление] у тех, кто считает, что итальянский язык лучше французского»⁵³.

Но, по мысли Денины, французская политика культурной интеграции будет только способствовать развитию традиций и достижению компромисса или культурного плюрализма:

«...В веке девятнадцатом, в который мы только что вступили, Турин во многих отношениях станет тем же, чем Страсбург стал за последние сто лет, а Пьемонт тем, чем стал Эльзас. У нас будут и писать, и говорить во всеуслышание на итальянском и на французском, как в Страсбурге на французском и немецком, однако, с тем преимуществом, что итальянский и пьемонтский имеют гораздо больше родства друг с другом, чего не имеет эльзасский диалект. Те, кто пожелают быть читаемыми или услышанными в Италии, или только в Пьемонте, будут сочинять на итальянском или на пьемонтском, а те, кто захотят стать известными по ту сторону Альп, станут писать на французском»⁵⁴.

События 1814 г. поставили точку в истории наполеоновского имперского проекта. Кризис наполеоновского режима, растущее недовольство в последние годы продемонстрировали пределы этой системы. Эксплуатация и постоянное вмешательство Парижа ослабили возможности итальянских государств расширить или продолжить программу реформ⁵⁵. На региональном уровне возобладал экспансионизм: Савойя, Ницца были возвращены Савойской династии, а Лигурия была присоединена к Пьемонту на Венском конгрессе, но вошла в этот новый «союз» не без сопротивления⁵⁶. Однако, несмотря ни на что, при Реставрации Савойская монархия оставались государством со сложной структурой, для ее базовых основ принцип национальности был важнее, чем до эпохи 1796-1814 гг., но оставался в значительной степени чуждым. В результате этого разрыва «пьемонтцы, лигурийцы и сардинцы регулировали отношения в соответствии с совершенно разными юридическими нормами», что оценивается как слабость в глазах современного государства, но, на самом деле, было крайним проявлением плюрализма, типичного для композитарной монархии⁵⁷.

⁵³ Denina 1803: 1.

⁵⁴ Ibid: 53.

⁵⁵ Italy 2000: 49.

⁵⁶ Broers 2013: 41-52, 50.

⁵⁷ Bianchi, Merlotti 2017: 61-62.

Анализ итальянской и французской публицистики 1799 – начала 1800-х гг. показывает, что конструирование образа собственной политической нации лишь на очень короткий период становится темой, открыто обсуждавшийся в публичном пространстве. Радикальные и умеренные республиканцы – участники дискуссии 1799 года обосновывали суверенитет «пьемонтской нации» или «субальпийского народа», апеллируя к чувству местного патриотизма, «национальному характеру», языку, традициям и вере. Опыт Савойи, Ниццы, Рейнских земель откровенно пугал пьемонтских «патриотов». Это течение сосуществовало с двумя другими, выступавшими за скорое присоединение Пьемонта к Франции, или за создание единого и независимого Итальянского государства. Наполеоновская политика «культурного империализма» уже не давала возможности обсуждать тему собственной нации в политическом контексте, что существенно не остановило, но все же замедлило процесс строительства нации в Пьемонте в первые два десятилетия XIX века.

Чарторыйский А. – Павлу I. 7/18 октября 1800 г. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Сношения России с Сардинией. Оп. 85/2. Д. 154. Л. 45-52.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Канделоро Д. История современной Италии. Истоки Рисорджименто 1770-1815. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 520 С. [Kandeloro D. Istoriya sovremennoj Italii. Istoki Risordzhimento 1770-1815. M.: Izdatelstvo inostrannoj literatury, 1958. 520 s.].
- Митрофанов А.А. Протестные движения в Пьемонте периода Итальянской кампании Бонапарта (по донесениям русских дипломатов) // Французский ежегодник. 2019. М., 2019. С. 75-99. [Mitrofanov A.A. Protestnye dvizheniya v Piemonte perioda Italyanskoj kampanii Bonaparta (po doneseniyam russkih diplomatov) // Francuzskij ezhegodnik. 2019. M., 2019. S. 75-99.].
- Чудинов А.В. Солдаты свободы или смертельный враг? Французы в Южной Италии 1798 - 1799 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. Т. 18. N. 2 (151). 2016. С. 25-41. [Tchudinov A.V. Soldaty svobody ili smertelnyi vrag? Francuzy v Yuzhnoj Italii 1798 - 1799 gg. // Izvestiya Uralskogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. T. 18. N. 2 (151). 2016. S. 25-41.].
- Ambrosini F. L'albero della Libertà. le Repubbliche giacobine in Italia 1796-99. Torino: Capricorno, 2014. 319 p.
- Bianchi P., Merlotti A. Storia degli Stati sabaudi (1416-1848). Torino: Morcelliana, 2017. 287 p.
- Banti A. M. The nation of the Risorgimento: kinship, sanctity, and honour in the origins of unified Italy. Abingdon, Oxon. New York: Routledge, 2020. 210 p.
- Bonafide F. Lettre sur le Piémont, ou Réponse aux observations d'un Piémontais, sur la réunion de cette contrée à la République Française, par F. Bonafide. Paris: l'Imprimerie de Rabaut le jeune, an VII [1799]. 35 p.
- Bongioanni F. Osservazioni sopra l'unione del Piemonte alla Francia in seguito al discorso del Cittadino Ranza. Torino, s.d. [1799]. 19 p.
- Botta C. Précis historique de la maison de Savoie et du Piémont, adressé au général Jourdan. Paris: Imprimerie de Marchant, 1802. 127 p.
- Boyer F. Carlo Bossi et le Piémont // Rassegna Storica del Risorgimento. 1969. LIX. P. 44–57.
- Broers M. Transformation and Discontinuity from the old order to the modern state in the Piedmontese and Ligurian Départements of Napoleonic Italy // Napoleonsche Expansionspolitik. Berlin, Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2013. P. 41-52.
- Broers M. Napoleonic Imperialism and the Savoyard Monarchy 1773-1821: state building in Piedmont. Lewiston [New-York]: Edwin Mellen Press, 1997. 582 p.
- Cavallo G.E. La tirannia della libertà. Il Piemonte dai Savoia a Napoleone. Torino: Chiaramonte, 2015. 240 p.

- Criscuolo V. Riforma religiosa e riforma politica in Giovanni Antonio Ranza // *Studi Storici*. 1989. Anno 30. № 4. P. 825-872.
- Criscuolo V. L'idée de république chez les jacobins italiens // *Annales historiques de la Révolution française*. 1994. №. 296. P. 279-296.
- Criscuolo V. Albori di democrazia nell'Italia in rivoluzione 1792-1802. Milano: Angeli, 2006. 512 p.
- Davis J.A. Naples and Napoleon: Southern Italy and the European Revolutions, 1780–1860. Oxford: Oxford University Press, 2006. 372 p.
- Denina C. Dell'uso della lingua francese. Discorso in forma di lettera diretto ad un letterato piemontese. Berlin: Ludovico Quien, 1803. 54 p.
- Di Rienzo E. Neogiacobinismo e movimento democratico nelle rivoluzioni d'Italia (1796-1815) // *Studi Storici*. 2000. № 2. P. 403-431.
- Doppet A. Etat moral, physique et politique de la Maison de Savoie. P.: Chez Buisson, 1791. 210 p.
- Francesco A. De. Costruire una identità nazionale: politica culturale e attività editoriale nella seconda Cisalpina // *Universalismo e nazionalità nell'esperienza del giacobinismo italiano*. Ed. L. Loti e R. Villardi. Roma-Bari: Laterza, 2003. P. 339-354.
- Francesco A. de. Storie dell'Italia rivoluzionaria e napoleonica (1796-1814). Milano, Torino: Bruno Mondadori, 2016. 260 p.
- Galeani Napione G. F. Saggio sopra l'arte istorica. Torino, 1773. 304 p.
- Guerci L. Istruire nelle verità repubblicane: la letteratura politica per il popolo nell'Italia in rivoluzione 1796-1799. Bologna: Il Mulino, 1999. 376 p.
- Italy in the Nineteenth Century 1796-1900. Ed. by Davis J.A. Oxford: O.U.P., 2000. 300 p.
- Lanzon C. Sguardo sul Piemonte dell'avvocato Carlo Lanzon da Fossano. Torino: Stamperia reale. 1787. 89 p.
- Maranda J. Tableau du Piemont sous le régime des Rois. Turin: l'imprimerie Guaita, an XI (1802). 244 p.
- Morino C. Adresse du Piémont au peuple Français. Turin: Benfa et Ceresola, 1799. 15 p.
- Morino C. Réplique à la Réponse à l'Adresse du Piémont au peuple français. Turin: Benfa et Ceresola, 1799. 24 p.
- Outram D. Education and Politics in Piedmont 1796-1814 // *The Historical Journal*. Vol. 19. № 3. 1976. P. 611-633.
- Piemontesi illustri. 5 vol. Torino: Presso Giammichele Briolo stampatore e libraio della Regia Accademia delle Scienze, 1781-1787.
- Rao A.M. Esuli. L'Emigrazione politica italiana in Francia 1792-1802. Napoli: Guida, 1992. 615 p.
- Rao A.M. La repubblica napoletana del 1799. Napoli: Fedoa Press, 2021. 140 p.
- Riccati C. Interessi del Piemonte combinati con quelli delle nazioni limitrofe, e della libertà in generale. Opuscolo. Torino: Stamperia del cittadino Denasio, 1799. 77 p.
- Riccati P. Osservazioni d'un amico della libertà sul discorso del repubblicano Ranza sopra l'unione del Piemonte alla Francia. Torino, s.e. 1799. 77 p.
- Ricuperati G. Cultura di frontiera e identità italiana nelle vicende del Piemonte settecentesco // *La frontiera da stato a nazione: il caso Piemonte*. Roma: Bulzoni, 1987. P. 147-170.
- Ruggiero M. La carnagnola. La rivoluzione francese in Piemonte. Torino: Neos Edizioni, 2018. 200 p.
- Saitta A. Il robespierrismo di Filippo Buonarroti e le premesse dell'unita Italiana // *Belfagor*. Vol. 10. No. 3 1955. P. 258-270.
- Sforza G. Contributo alla vita di Giovanni Fantoni (Labindo) // *Giornale storico e letterario della Liguria*. VII. 1906. P. 121-168.
- Thaon de Revel I. Mémoires sur la guerre des Alpes et les événements en Piémont pendant la révolution française tirés des papiers du comte Ignace Thaon de Revel de Saint-André et de Pralungo. Turin, Rome, Florence: L'Imprimerie Royale, Bocca Freres, 1871. 504 p.
- Tenivelli C. Biografia piemontese. 5 vol. Torino: Presso Giammichele Briolo stampatore e libraio della Regia Accademia delle Scienze, 1784-1792.
- Vaccarino G. I giacobini piemontesi (1794-1814). 2 vol. Roma: Ministero per i beni culturali e ambientali, 1989.
- Waquet J.C. Un état exceptionnellement peu italien? // *Il Piemonte come eccezione? Riflessioni sulla «Piedmontese exception»*. Ed. Bianchi P. Torino: Centro Studi Piemontesi, 2008. P. 171-178.

Митрофанов Андрей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Института всеобщей истории РАН; paxgallica@gmail.com

The Idea of the «Nazione Piemontese» in Italian-French political thought. Patriotic discussion of 1799

The article is devoted to the consideration of the concept of «nation» in the political thought of Piedmont during the French Revolution and French occupation. Analysis of political writings of 1799 – early 1800s. shows that both radical and moderate Republicans, members of various clubs and societies, actively participated in the discussion about the fate of Piedmont. The idea of the French government and part of the Italian republicans to annex Piedmont to the French Republic provoked strong resistance among intellectuals. The Patriots of 1799 saw the creation of a special Piedmont republic as part of the project for the future unification of Italy. They substantiated the sovereignty of the «Piedmontese nation» or «subalpine people» by appealing to the feeling of local patriotism, national character, language, history, traditions and faith. The influence of the intellectuals of Piedmont in the late 18th century is analyzed on the establishment of traditions of political particularism and local nationalism in the revolutionary period. It is noted that the idea of a special «Piedmont nation» was also developed in the political literature of the era of Napoleonic rule in Italy.

Keywords: nation-building, nation, Piedmont, Italy, French Revolution, republicans, Jacobinism, patriotism.

Andrey Mitrofanov, Ph.D. (History), senior researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; paxgallica@gmail.com